

© Н.В. Медведева

Научная статья
УДК 330.34

РАЗВИТИЕ КУРСА НА ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО

Н.В. Медведева

Медведева Надежда Васильевна,
кандидат экономических наук, доцент кафедры
государственного и муниципального управления,
Северо-Западный институт управления
РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия.
ORCID: 0000-0003-0674-6199
medvedeva-nv@ranepa.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы обеспечения технологического суверенитета в контексте перехода к технологическому лидерству. Отражены предпосылки развития курса на технологическое лидерство. Генезис технологического лидерства раскрывается через терминологический статус понятий лидерства и технологического развития. Затронут вопрос этимологии лидерства и семантической интерпретации с учетом усложнения набора слагаемых лидерства. Показан феномен группового лидерства относительно акторов организаций и государства. Феномен лидерства государства увязан с международной конкурентоспособностью государства в ассоциации с конкурентоспособностью национальной экономики. Отражены случаи достижения политических целей за счет увеличения экономического давления на государства извне. Показана взаимосвязь новой экономической реальности, обострения международной конкуренции и усложнения концепции конкурентоспособности за счет взрывного технологического роста и появления новых конкурентных технологических преимуществ (новых технологий и высокотехнологичной продукции, не имеющих аналогов на рынке). Раскрыта двойственная природа ускорения экономического развития как объективного процесса, что связано с технологическими усовершенствованиями, так и в рамках заданной государством линии развития. Акцентировано внимание на директивах заданного курса – концепции технологического развития, стратегии научно-технологического развития, приоритетных направлениях научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий, законопроекте о технологической политике, которые увязывают обеспечение технологического развития с достижением технологического лидерства. Подчеркивается роль технологического лидерства как источника возрастающей отдачи от развития технологий, что послужило аргументом придать технологическому лидерству статус национальной цели развития. Особое значение уделено техническому лидерству в системе национальных целей развития и формированию национальных проектов по его обеспечению. Подтверждается вывод, что меры по созданию собственных линий разработки технологий и производства продукции в критически значимых областях выступают средством укрепления технологического суверенитета и технологического лидерства.

Ключевые слова: новая экономическая реальность, технологическое развитие, технологический суверенитет, технологическое лидерство, национальные цели, национальные проекты.

Библиографическая ссылка: Медведева Н.В. Развитие курса на технологическое лидерство // ЦИТИСЭ. 2024. № 3. С. 300-309.

Research Full Article

UDC 330.34

DEVELOPING A COURSE ON TECHNOLOGICAL LEADERSHIP

N.V. Medvedeva

Nadezhda V. Medvedeva,

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Public and Municipal Administration, Northwestern Institute of Management of the RANEPА, St. Petersburg, Russian Federation.

ORCID: 0000-0003-0674-6199

medvedeva-nv@ranepa.ru

Abstract. *The article examines the issues of ensuring technological sovereignty in the context of the transition to technological leadership. The prerequisites for the development of a course on technological leadership are reflected. The genesis of technological leadership is revealed through the terminological status of the concepts of leadership and technological development. The issue of etymology of leadership and semantic interpretation is raised, taking into account the complexity of the set of leadership terms. The phenomenon of group leadership in relation to actors of organizations and the state is shown. The phenomenon of state leadership is linked to the international competitiveness of the state in association with the competitiveness of the national economy. The cases of achieving political goals by increasing economic pressure on states from the outside are reflected. The interrelation of the new economic reality, the intensification of international competition and the complication of the concept of competitiveness due to explosive technological growth and the emergence of new competitive technological advantages (new technologies and high-tech products that have no analogues on the market) is shown. The dual nature of the acceleration of economic development as an objective process is revealed, which is associated with technological improvements, and within the framework of the development line set by the state. Attention is focused on the directives of the given course – the concept of technological development, the strategy of scientific and technological development, priority areas of scientific and technological development and the list of the most important high-tech technologies, the draft law on technological policy, which link the provision of technological development with the achievement of technological leadership. The role of technological leadership as a source of increasing returns from technology development is emphasized, which served as an argument to give technological leadership the status of a national development goal. Special attention is paid to technical leadership in the system of national development goals and the formation of national*

projects to ensure it. The conclusion is confirmed that measures to create own lines of technology development and production in critical areas are a means of strengthening technological sovereignty and technological leadership.

Keywords: *new economic reality, technological development, technological sovereignty, technological leadership, national goals, national projects.*

For citation: *Medvedeva N.V. Developing a course on technological leadership. CITISE, 2024, no.3, pp. 300-309.*

Введение.

Событийность последних лет в технологическом развитии страны показывает закономерность на «расширение пройденного» в выработке курса и предпринимаемых мерах. Новая экономическая реальность формируется в условиях высокой неустойчивости, сопряженных с решением задач по обеспечению технологического суверенитета. Ключевыми факторами ускоренного развития становятся многогранность и многокомпонентность цифровой трансформации и технологических преобразований всех отраслей и сфер. При этом взятый курс на обеспечение технологического суверенитета последовательно трансформируется в курс на достижение технологического лидерства.

Происходящие процессы технологического и экономического развития задают тон и актуализируют научный поиск теоретического и методологического обоснования вопросов новой экономической реальности [2; 3; 7; 11; 15], обеспечения технологического суверенитета и научно-технологического развития [4; 5; 9; 13; 14; 16], национальных целей и национальных проектов в условиях адаптации экономики [6; 12], курса на технологическое лидерство [1; 8; 10].

Методологию статьи составляет междисциплинарный подход, основанный на взаимосвязи теории технологических изменений и теории лидерства, концептуально-методологический и системный методы. Целью статьи является исследование заделов и перспектив развития технического лидерства.

Результаты и обсуждение.

Предпосылки развития курса на технологическое лидерство.

Понимание генезиса технологического лидерства является необходимым для обоснования объективного характера и концепта технологического лидерства на современном этапе. При этом временной отрезок генезиса технологического лидерства кратко меньше генезиса технологического развития и лидерства, что сопряжено со всеобщностью развития новых технологий и активной экономической политикой.

Предваряет теоретико-методологическое обособление технологического лидерства в системе экономических явлений терминологический статус понятий «лидерство» и «технологическое развитие».

Термин «лидерство» является относительно устоявшимся понятием в своем содержательном значении. Этимология лидерства относит его появление к более чем столетней истории с момента становления классических теорий лидерства, затем и современных теорий лидерства (тогда как термин «лидер» был известен гораздо раньше). Семантическая интерпретация понятия лидерства относительно его концепта приводит к пониманию расширительного смысла его слагаемых. Если ранние исследования понятия лидерства отличались смещением акцента его изучения в пользу лидерских качеств, то с течением времени происходило расширение базовых значений и появление новых

толкований на основе ситуационных переменных и изменчивости среды, которые способствовали усложнению понятия в целом.

По известным в науке представлениям лидерство во все времена остается феноменом и интерпретируется как одно из самых непонятных явлений в мире. Несмотря на ряд известных теорий лидерства, невозможно однозначно выделить набор характеристик лидирования для их алгоритмизации в целях тиражирования и повторения. Всякий раз даже возможный типовой набор характеристик под воздействием того или иного фактора может дать противоположный результат. Если от конкретного индивида, где определяющим выступают лидерские качества, перейти к групповому актору, вплоть до государства, то еще большее влияние будут оказывать ситуационные паттерны и увязывать их только с качествами главы государства как лидера или страновыми преимуществами не представляется возможным.

Известно, что групповое лидерство в организации представлено определенной группой (во главе с лидером, иницирующим изменения или поддерживающим начиная группы), представители которой (управленческая команда) своим примером оказывают заметное влияние на поведение других и посылом о потенциале других умеют развивать их энтузиазм и формировать общее видение. При этом поддержание состояния энтузиазма зависит от создания условий, подтверждающих намерения группового актора о получении эффекта с течением времени. Таким образом, групповое лидерство не является свойством отдельной личности, оно представляется синергией качеств группового лидера, условий и результатов деятельности, а в условиях структурных преобразований всех отраслей и сфер становится единственным реальным лидером.

Источники группового лидерства такого актора как государство, заключаются в устоявшихся интегрированных паттернах, определяющих международную конкурентоспособность государства, что ассоциируется с понятием конкурентоспособности национальной экономики. При этом учащаются случаи достижения политических целей за счет целенаправленного ослабления экономики конкретного государства.

В условиях обострения международной конкуренции усложняется и сама концепция конкурентоспособности. Конкурентоспособность с общего ее понимания как способности конкурировать с аналогичными объектами на конкретном рынке в определенной степени смещается в возможность создания новых технологий и высокотехнологичной продукции, не имеющих аналогов на рынке, которые отвечают запросам международных рынков, с целью занятия и поддержания конкурентного преимущества при появлении аналогичных объектов. Речь идет о чистом конкурентном преимуществе, которое носит временный характер, что накладывает ограничения на сроки получения такого преимущества и требует ускорения. При этом не попираются принципы сопоставления конкурентоспособности и конкурентных преимуществ, которые и обеспечивают конкурентоспособность и появляются при наличии конкурентов, под которыми в данном случае понимаются другие страны и возможности создавать новые технологии.

Конкурентоспособность применительно к странам характеризуется сложносоставной относительно постоянной факторной совокупностью, среди которых особую значимость в настоящее время приобретает евразийская интеграция стран с участием России. БРИКС, ШОС и ЕАЭС выступают в качестве региональных союзов, которые считаются оплотами многополярного мира и своим сотрудничеством подтверждают происходящую замену геополитики регионализацией, как составную часть парадигмы новой мировой экономики. Они объединяют 19 государств, которые имеют большое значение в мировой экономике и политике. По открытым данным, вместе они составляют более 3 млрд человек, около 40% мирового ВВП и более 25% мировой торговли [3].

Ускорение экономического развития во всех сферах имеет как объективную природу, что связано со взрывным ростом новых технологий, так и заданную государством линию развития. Посыл концепции технологического развития, реализуемой в период до 2030 года, исходит из необходимости обеспечить в стране собственную научную, кадровую и технологическую базу критических и сквозных технологий. При этом речь идет об обеспечении технологического суверенитета, как ключевой цели технологического развития в рамках общей нацеленности концепции на создание технологических условий для социально-экономического развития в соответствии с национальными целями развития страны и национальными интересами. В концепции заявляется о необходимости проведения новой технологической политики, самостоятельной по отношению к иным видам экономической политики, что объясняется сквозным характером (надстроечной ролью) новых технологий по отношению ко всем отраслям и сферам.

Рассматриваемый в настоящее время законопроект о технологической политике объективирует обеспечение технологического суверенитета, увязывая его, в том числе с достижением технологического лидерства на международных технологических рынках в среднесрочной перспективе, чем и объясняется курс на развитие технологического лидерства. В отличие от концепции технологического развития законопроект не закрепляет понятия технического лидерства. Так, под технологическим лидерством понимается «превосходство технологий и (или) продукции по основным параметрам (функциональным, техническим, стоимостным) над зарубежными аналогами».

Технологическое лидерство в системе национальных целей развития.

Понимание природы технологического лидерства базируется на феномене возрастающей отдачи, экономическая сущность которого заключается в том, что увеличение объема продукции происходит более быстрыми темпами, чем увеличение затрат всех использованных для производства ресурсов. Теория возрастающей отдачи сочетает достижение возрастающей отдачи с технологическими усовершенствованиями. По этой причине действие возрастающей отдачи наблюдается в новых высокотехнологичных секторах за счет оказания мультипликационного эффекта на развитие других отраслей и сфер, порождающего экономию от масштаба распространения и дальнейший эффект возрастающей отдачи.

Конкурентные технологические преимущества усиливают действие феномена возрастающей отдачи за счет механизма положительной обратной связи, что обеспечивает ускоренное развитие. Взаимосвязь перечисленных явлений и признаков относительно технологического лидерства, синонимичность понятий превосходства и преимущества указывают на технологическое лидерство как на источник конкурентных технологических преимуществ страны в мировой экономике [7; 13; 14]. Данное обстоятельство послужило аргументом придать технологическому лидерству статус национальной цели развития России.

Исследуя национальные цели развития России в контексте системы стратегического планирования Прохоров А.П. приводит емкое научное обоснование взаимосвязи экономических подъемов с планами развития, стратегическими целями и совместными действиями на всех уровнях управления, обеспечивающей синергетический эффект [12].

Национальные цели развития определяют стратегию и модель развития страны на шестилетний период. Национальные цели представляют собой конкретно поставленные задачи, на достижение которых направлена совокупность национальных проектов, решений и действий. В свою очередь проект понимается как «целостная совокупность моделей, свойств или характеристик, описанных в форме, пригодной для реализации поставленных целей». Проект, в отличие от цели, более гибкая структура с откликом на конъюнктурные изменения, своего рода механизм таргетирования целей [11].

Семантическая интерпретация национальных целей (или, по мнению Казанцева С.С. стратегических целей, как более точное понятие) соотносит их с важными для общества долгосрочными целями как с некоторым сформированным представлением результата, к достижению которого данное общество стремится [6]. К числу общих для многих стран стратегических целей относятся обеспечение суверенитета страны, рост благосостояния населения, сохранение и улучшение позиций страны в мире. Немаловажным фактором постановки национальных целей в определенный период времени являются постулаты теории принятия управленческих решений относительно проблем. Проблема, как расхождение между действительным и необходимым (что не позволяет выйти на требуемые темпы роста) или как некая потенциальная возможность (в сравнении со странами-лидерами), имеет больше возможностей для своего решения в статусе наиболее важных стратегических приоритетов. Однако достижение национальных целей путем реализации национальных проектов не гарантирует их достижения, для этого необходимо создание благоприятных институциональных условий.

Согласно Вольчику В.В., эффект возрастающей отдачи от применения технологий поставлен в зависимость от комплементарной взаимосвязи технологических и институциональных изменений. Автор показывает, что с одной стороны, возникновение и внедрение технологий зависит от существующих в базовом периоде институтов, но с другой стороны, с изменением технологий могут изменяться социальные условия, генерирующие процесс институциональных изменений [2]. Длительно используемые одни и те же институты зачастую не оставляют пространства для альтернатив и в силу своей инертности замедляют изменения. Попытки преодоления подобного видны в разработке новой системы управления национальными проектами на основе усиления межотраслевого взаимодействия путем комплексного подхода к созданию условий развития отраслей.

Национальные цели развития страны до 2030 года с перспективой до 2036 года структурируются по трем направлениям – два из которых обеспечивают преемственность социально-экономического курса (социальный и экономический блоки) и новый технологический блок. Технологический блок будет представлен пулом национальных проектов по обеспечению технического лидерства. Концептуально указание на их перечень содержится в задачах по обеспечению технологической независимости и формированию новых рынков по ряду отраслей, производящих высокотехнологичную продукцию, что подкрепляется установлением целевых показателей, выполнение которых позволит говорить о технологическом суверенитете [9]. В настоящее время завершается формирование национальных проектов отраслевой направленности, направленных на обеспечение технологического лидерства. Они будут запущены в критически значимых областях, каждое из направлений нацелено на производство полноценных линеек высокотехнологичной продукции при обязательном обеспечении гарантированного спроса.

Прослеживается путь осмысления стратегии достижения технологического лидерства от необходимости обеспечения технологического суверенитета на основании определения приоритетных направлений проектов технологического суверенитета и структурной адаптации экономики, принятия концепции технологического развития и стратегии научно-технологического развития, формирования перечней сквозных и критических технологий, запуска мегапроектов технологического суверенитета, утверждения приоритетных направления научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий и т.д. до собственно разработки национальных проектов по обеспечению технологического лидерства. Из этого следует ряд важных выводов, во-первых, создание столь масштабных программ будет действенным способом обеспечивать развитие в высокотехнологичном секторе на самом высоком уровне контроля, во-вторых, технологический суверенитет при следовании национальным интересам страны не

представляет собой модель автаркии [16] (скорее, это сильная переговорная позиция при выстраивании партнерств), его обеспечение выступает промежуточным результатом в создании национальной технологической базы для научно-технологического развития и обеспечения технологического лидерства.

Понимание сущности технологического суверенитета, равно как и технологического лидерства поставлено в зависимость от источника запроса на эти явления. Оправданно мнение о рассмотрении технологического суверенитета как вынужденной политики, что связано с политикой технологического сдерживания извне (санкциями), соответствующей проактивной защитой, проблемой перестройки технологических цепочек, потерей экономической эффективности в краткосрочном периоде, встраиванием государства в надежную сеть международных отношений и партнерств [4]. Следует учитывать и временной характер реализации концепции технологического развития, в которой определен период обеспечения технологического суверенитета до 2030 года. Концепция технологического развития не включена в архитектуру документов стратегического планирования, потому не предполагается ее принятие на регулярной основе, более того в ней на тот же период определены еще две ключевые цели технологического развития, при этом достижение каждой из них является необходимым условием для достижения остальных целей.

Концепция технологического развития закрепляет важную характеристику технологического суверенитета, увязывая его достижение *«преимущественно на основе собственных линий разработки технологий»*. Указание на преимущественный характер собственных линий укладывается в известный в науке механизм технологических изменений, представляющий собой взаимодействие двух внутренних процессов – процесса создания новых технологий и процесса их заимствования. Предусмотрены регуляторы недопущения обратного, во-первых, речь идет о критических и сквозных технологиях, во-вторых, показателем достижения национальной цели «Технологическое лидерство», в том числе является кратное увеличение доли отечественных высокотехнологичных товаров и услуг, созданных на основе собственных линий разработки, в общем объеме потребления таких товаров и услуг в стране.

Таким образом, емкое выражение взятого в стране курса можно выразить последовательностью этапов, подлежащих реализации «одновременно и по восходящей» – от развития технологий к обеспечению технологического суверенитета и от технологического суверенитета к обеспечению технологического лидерства. Несмотря на сложные условия технологического доминирования и противоборства стран-лидеров [1; 8; 10], первоочередная задача заключается в обеспечении технологической независимости по таким направлениям как биоэкономика, сбережение здоровья граждан, продовольственная безопасность, беспилотные авиационные системы, средства производства и автоматизации, экономика данных и цифровая трансформация, искусственный интеллект и др. с достижением целевых показателей в системе национальных целей развития. Важным аспектом технологического суверенитета выступают риски зависимости от внешних поставок при участии в глобальных производственно-сбытовых цепочках [5; 15]. Как показывает новая экономическая реальность порой недостаточно занять в таких схемах наиболее выгодные позиции по созданию и распределению добавленной стоимости, такая способность при их разрыве может обесцениваться. Потому и меры по созданию собственных линий разработки технологий и производства продукции в критически значимых областях воспринимаются в качестве средства укрепления технологического суверенитета и технологического лидерства.

Заключение.

Вопросы о необходимости технологического суверенитета и технологического лидерства для устойчивого развития страны поднимались и несколько десятков лет назад, хотя и в других терминах. В условиях новой экономической реальности они выступают реактуализированными явлениями и требуют ускоренного воссоздания способности к самодостаточности в критически важных отраслях и учета незыблемых научных воззрений относительно обладания технологическим превосходством для обретения страной статуса в мировой экономике и противостояния давлению извне. Успешность процессов обеспечения технологического суверенитета и технологического лидерства будет зависеть от обладания технологиями, которые будут доминировать в условиях шестого технологического уклада. Именно такая направленность прослеживается в содержании национальной цели по обеспечению технологического лидерства, приоритетных направлениях научно-технологического развития и перечне важнейших наукоемких технологий.

Список источников:

1. Беликова С.С., Беликов А.В. Восток и Запад: глобальное технологическое противостояние // Управление. 2023. Т. 11, № 3. С. 109–119. DOI: [10.26425/2309-3633-2023-11-3-109-119](https://doi.org/10.26425/2309-3633-2023-11-3-109-119)
2. Вольчик В.В. Возрастающая отдача и российская инновационная система // Управление наукой: теория и практика. 2022. Т. 4, № 4. С. 88–116. DOI: [10.19181/sntp.2022.4.4.6](https://doi.org/10.19181/sntp.2022.4.4.6)
3. Вялов Н.В., Могилевская Н.В. Анализ тенденции взаимной интеграции между ЕАЭС, ШОС и БРИКС // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 3 (129). DOI: [10.23670/IRJ.2023.129.59](https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.129.59)
4. Гареев Т.Р. Технологический суверенитет: от концептуальных противоречий к практической реализации // Terra Economicus. 2023. № 21(4). С. 38-54. DOI: [10.18522/2073-6606-2023-21-4-38-54](https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-4-38-54)
5. Дементьев В.Е. Технологический суверенитет и приоритеты локализации производства // Terra Economicus. 2023. № 21(1). С. 6-18. DOI: [10.18522/2073-6606-2023-21-1-6-18](https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-1-6-18)
6. Казанцев С.В. О достижении стратегических целей и обеспечении безопасности современной России // Мир новой экономики. 2022. Т. 16, № 1. С. 17–27. DOI: [10.26794/2220-6469-2022-16-1-17-27](https://doi.org/10.26794/2220-6469-2022-16-1-17-27)
7. Кузнецов А.В. Экономическая устойчивость России в условиях технологических трансформаций // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. № 9(6). С. 45–52. DOI: [10.26794/2226-7867-2019-9-6-45-52](https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-6-45-52)
8. Лебедева Л.Ф., Аксенов П.А. Глобальное соперничество в новых технологических реалиях // Международная торговля и торговая политика. 2022. Т. 8, № 2 (30). С. 31–39. DOI: [10.21686/2410-7395-2022-2-31-39](https://doi.org/10.21686/2410-7395-2022-2-31-39)
9. Медведева Н.В. Подходы к оценке достижения технологического суверенитета // Вопросы инновационной экономики. 2024. Т. 14, № 1. С. 91–104. DOI: [10.18334/vinec.14.1.120653](https://doi.org/10.18334/vinec.14.1.120653)
10. Невская Н.А. Влияние технологий на трансформацию рынков и борьба за мировое промышленное лидерство // Вестник НГИЭИ. 2020. № 12 (115). С. 58–68. DOI: [10.24411/2227-9407-2020-10120](https://doi.org/10.24411/2227-9407-2020-10120)
11. Попов Е.В., Кох И.А., Семячков К.А. Экономическое таргетирование развития умных городов // Вопросы инновационной экономики. 2022. Т. 12, № 2. С. 859–878. DOI: [10.18334/vinec.12.2.114933](https://doi.org/10.18334/vinec.12.2.114933)

12. Прохоров А.П. Перспективы реализации национальных проектов Российской Федерации на период 2025–2030 годов с учетом новой модели экономического развития // Мир новой экономики. 2024. № 18(1). С. 18-26. DOI: [10.26794/2220-6469-2024-18-1-18-26](https://doi.org/10.26794/2220-6469-2024-18-1-18-26)
13. Crespi F., Caravella S., Menghini M. [et al.] European technological sovereignty: An emerging framework for policy strategy // Intereconomics. 2021. Vol. 56(6). P. 348–354. DOI: [10.1007/s10272-021-1013-6](https://doi.org/10.1007/s10272-021-1013-6)
14. Edler J., Blind K., Kroll H. [et al.] Technology sovereignty as an emerging frame for innovation policy. Defining rationales, ends and means // Research Policy. 2023. Vol. 52(6). 104765. DOI: [10.1016/j.respol.2023.104765](https://doi.org/10.1016/j.respol.2023.104765)
15. Inoue H., Todo Y. Propagation of Overseas Economic Shocks through Global Supply Chains: Firm-level evidence, 2022. DOI: [10.2139/ssrn.4183736](https://doi.org/10.2139/ssrn.4183736)
16. March C., Schieferdecker I. Technological sovereignty as ability, not autarky // International Studies Review. 2023 Vol. 25(2). DOI: [10.1093/isr/viad012](https://doi.org/10.1093/isr/viad012)

References:

1. Belikova S.S., Belikov A.V. East and West: global technological confrontation. *Management*, 2023, vol. 11, no. 3, pp. 109-119. (In Russian). DOI: [10.26425/2309-3633-2023-11-3-109-119](https://doi.org/10.26425/2309-3633-2023-11-3-109-119)
2. Volchik V.V. Increasing returns and the Russian innovation system. *Management of Science: Theory and Practice*, 2022, vol. 4, no. 4, pp. 88-116. (In Russian). DOI: [10.19181/smtp.2022.4.4.6](https://doi.org/10.19181/smtp.2022.4.4.6)
3. Vyalov N.V., Mogilevskaya N.V. Analysis of the trend of mutual integration between the EAEU, SCO and BRICS. *International Scientific Research Journal*, 2023, no. 3 (129), port number 19. (In Russian). DOI: [10.23670/IRJ.2023.129.59](https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.129.59)
4. Gareev T.R. Technological sovereignty: from conceptual contradictions to practical implementation. *Terra Economicus*, 2023, no. 21(4), pp. 38-54. (In Russian). DOI: [10.18522/2073-6606-2023-21-4-38-54](https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-4-38-54)
5. Dementiev V.E. Technological sovereignty and priorities of localization of production. *Terra Economicus*, 2023, no. 21(1), pp. 6-18. (In Russian). DOI: [10.18522/2073-6606-2023-21-1-6-18](https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-1-6-18)
6. Kazantsev S.V. On achieving strategic goals and ensuring the security of modern Russia. *The World of the New Economy*, 2022, vol. 16, no. 1, pp. 17-27. (In Russian). DOI: [10.26794/2220-6469-2022-16-1-17-27](https://doi.org/10.26794/2220-6469-2022-16-1-17-27)
7. Kuznetsov A.V. Economic stability of Russia in the conditions of technological transformations. *Humanities. Bulletin of the Financial University*, 2019, no. 9(6), pp. 45-52. (In Russian). DOI: [10.26794/2226-7867-2019-9-6-45-52](https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-6-45-52)
8. Lebedeva L.F., Aksenov P.A. Global competition in new technological realities. *International Trade and Trade Policy*, 2022, vol. 8, no. 2 (30), pp. 31-39. (In Russian). DOI: [10.21686/2410-7395-2022-2-31-39](https://doi.org/10.21686/2410-7395-2022-2-31-39)
9. Medvedeva N.V. Approaches to assessing the achievement of technological sovereignty. *Issues of Innovative Economics*, 2024, vol. 14, no. 1, pp. 91-104. (In Russian). DOI: [10.18334/vinec.14.1.120653](https://doi.org/10.18334/vinec.14.1.120653)
10. Nevskaya N. A. The impact of technology on the transformation of markets and the struggle for global industrial leadership. *Bulletin of the NGIEI*, 2020, no. 12 (115), pp. 58-68. (In Russian). DOI: [10.24411/2227-9407-2020-10120](https://doi.org/10.24411/2227-9407-2020-10120)
11. Popov E.V., Koch I.A., Semyachkov K.A. Economic targeting of smart cities development. *Issues of Innovative Economics*, 2022, vol. 12, no. 2, pp. 859-878. (In Russian). DOI: [10.18334/vinec.12.2.114933](https://doi.org/10.18334/vinec.12.2.114933)

12. Prokhorov A.P. Prospects for the implementation of national projects of the Russian Federation for the period 2025-2030, taking into account the new model of economic development. *The World of the New Economy*, 2024, no. 18(1), pp. 18-26. (In Russian). DOI: [10.26794/2220-6469-2024-18-1-18-26](https://doi.org/10.26794/2220-6469-2024-18-1-18-26)
13. Crespi F., Caravella S., Menghini M., Salvatori C. European technological sovereignty: An emerging framework for policy strategy. *Intereconomics*, 2021, vol. 56(6), pp. 348–354. DOI: [10.1007/s10272-021-1013-6](https://doi.org/10.1007/s10272-021-1013-6)
14. Edler J., Blind K., Kroll H., Schubert T. Technology sovereignty as an emerging frame for innovation policy. Defining rationales, ends and means. *Research Policy*, 2023, vol. 52(6), 104765. DOI: [10.1016/j.respol.2023.104765](https://doi.org/10.1016/j.respol.2023.104765)
15. Inoue H., Todo Y. *Propagation of Overseas Economic Shocks through Global Supply Chains: Firm-level evidence*, 2022. DOI: [10.2139/ssrn.4183736](https://doi.org/10.2139/ssrn.4183736)
16. March C., Schieferdecker I. Technological sovereignty as ability, not autarky. *International Studies Review*, 2023, vol. 25(2). DOI: [10.1093/isr/viad012](https://doi.org/10.1093/isr/viad012)

Submitted: 03 August 2024

Accepted: 03 September 2024

Published: 04 September 2024

